

Сержант Леший
РУССКИЙ
ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ

Москва

Глава I

ПАКИСТАН. ЛЕТО 1991 ГОДА

Солдат висел на гимнастической перекладине шестые сутки, и уже бесконечные шестые сутки с редкими перерывами на еду и сон Ренделл наблюдал за ним. Только извращённый мозг Майкопфа мог назвать это зверское сооружение гимнастическим снарядом. Два металлических, выше человеческого роста столба соединялись такой же металлической перекладиной. Ноги и руки солдата были разведены и притянуты к столбам ржавыми, покрытыми запёкшейся кровью цепями. На ночь цепи ослабляли, и солдат падал на землю, спёкшуюся под нестерпимым жаром в стекло.

Ежедневные пытки советского солдата начиналось с первыми лучами солнца. Сначала — десять ударов палками. Несильно. Только затем, чтобы разбедить незаживающие раны предыдущих экзекуций. Затем — слегка подсоленная вода, заливаемая через широкую воронку в рот, и несколько вёдер очень солёной воды, вылитых на всё тело. И целый день под палящим солнцем. И несколько раз в день обливание ведром нечистот. И миллиарды кружащих вокруг него мух. И плюющие в лицо проходящие мимо повстанцы. И так шестой день подряд до наступления сумерек.

Вечером — вода в рот принудительно, полбочки воды из брендспойта снаружи, бесконечная ночь на

сырой земле, а утром — всё с самого начала. Обычно истязуемые сходили с ума уже на третий день, максимум на четвёртый. Сходили с ума, умирали или ломались. Этот ещё держался. Жил и держался, только иногда что-то бормотал. Камеры бесстрастно фиксировали каждый его жест и движение губ.

Ренделл не понимал, чем этот солдат так заинтересовал Майкопфа. Нет, конечно, это был уникальный образец советского фанатизма. За год солдат висел на перекладине седьмой раз и уже давно должен был умереть или сойти с ума, но он стоически цеплялся за жизнь. Ренделл взял лист с установочными данными советского солдата, хотя он и так прекрасно знал, что там написано.

Старший сержант взвода разведки 56-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады был захвачен в плен почему-то в 1989 году, хотя его часть была выведена из Афганистана в августе 88-го. Упрямый Колесникофф, захваченный два года назад на самой границе с Таджикистаном, воевал уже лишних полтора года. Чуть больше года скитаний по отрядам повстанцев в качестве бессловесной рабочей скотины и один год здесь, на специальной базе Центрального разведывательного управления Соединённых Штатов Америки.

Русского ломали уже целый год. Конечно же не только его, но его особенно. Жесточайшие пытки, избиения и унижения сменялись почти человеческими условиями одиночных и общих камер древней крепости, в которой располагалась база, но за всё это время солдат не произнёс ни одного внятного слова, кроме своего имени и звания. Документов ни у кого из погибших в его группе не было.

Сам сержант выжил только чудом. Контуженный в самом начале боя, он пришёл в себя уже в конце его

и отбивался до последнего патрона. Командира большой группы повстанцев и его заместителя, неведомыми путями получивших сведения о местонахождении разведывательно-диверсионной группы русских, старший сержант зарезал сам. После их гибели централизованного командования в банде не осталось, и несколько отколовшихся моджахедов вместо того, чтобы убить его, забрали и продали сержанта.

Раненый и контуженый молодой парень уже через несколько часов пришёл в себя, а затем смог ходить. Его поразительная живучесть и мужество позабавили Саида Мохсмени, которому русского солдата продали уже на третий день в нарушение всех инструкций, и тот выжил.

За год пребывания на базе советский солдат пытался бежать три раза, и однажды ему это почти удалось. Отловили его только через четверо суток. Шестеро моджахедов и «зелёный берет» погибли, ещё пятеро моджахедов были ранены, и, если бы не прямой приказ Майкопффа, солдата забили бы прикладами и палками сразу после поимки, но игнорировать приказы старшего советника ЦРУ дураков не нашлось. Мигнёт — и эта база раем покажется, а проштрафившегося моджахеда повесят на перекладину и забудут о его существовании. Один восемь дней провисел, хотя сдох уже на четвёртый.

Фамилию русского Ренделл зачем-то произнёс вслух: Колесникофф. Как и остальные русские фамилии, она что-то означала, но для старшего эксперта Центрального разведывательного управления Соединённых Штатов Америки она не значила ровным счётом ничего, кроме сухих строчек ежедневных отчётов. Равно как и судьба этого забытого всеми солдата.

Уже два года как русские ушли из Афганистана, бросив своих солдат в руках диких и кровожадных ди-

карей. Иначе Ренделл отряды повстанцев не называл. Бросив своих солдат и забыв про них. Совсем. Навсегда вычеркнув их из жизни некогда великой страны, раздираемой сейчас внутренними распрями.

Ренделл торчал на этой базе уже больше пяти лет, практически не вылезая из неё. Редкие поездки на отдалённые базы повстанцев в поисках советских военнопленных не в счёт. И если раньше, пока русские были в Афганистане, это имело хоть какой-то смысл, то сейчас это было бесполезной тратой времени, средств и сил. Но мнение Ренделла его непосредственного руководителя Дэвида Майкопффа интересовало в самую последнюю очередь, отчего Ренделл просто физически ненавидел русского упряма.

Ренделл поднял глаза от напечатанного текста, взглянул в монитор камеры и вздрогнул. Солдат осмысленно смотрел прямо на него и что-то говорил. Ренделл протянул руку, увеличил громкость динамиков и тут же принялся вызывать Майкопффа.

Русский монотонно, с небольшими паузами произносил только два слова:

— Я согласен.

Русский сломался. Майкопфф, как всегда, оказался прав.

* * *

— Я — Колесников. Старший сержант Колесников. Колесников я. Колесников. Ивановская область, город Фурманов, улица Садовая, дом сорок восемь. Детский дом. Колесников я. Живу на даче в саду. У меня нет родственников. Колесников. Старший сержант разведвзвода. Радист. Александр Колесников. Колесников.

Сашку Колесникова убили первым. Снайпер специально стрелял по радисту и рации. Попал, разумеется. Потом прилетело всем нам. Костя Савушкин, свердловчанин — очередь из пулемёта наискось в грудь. Олег Салуянов — две пули из ДШК в живот. Кровавые ошмётки вылетели из спины. Осколочно-фугасная граната из РПГ взорвалась под ногами у крымчанина Мишки Остапчука. Это всё, что я успел увидеть в самом начале своего последнего боя.

Взрыв рядом со мной. Нас не собирались брать живыми. Знали, что опасны. Знали. Просто знали, что мы будем здесь. Мы были нужны мёртвые, чтобы не смогли рассказать, что «дúхи» ждали нас в точке эвакуации, а вертушки не прилетели.

Мы уходили из Афганистана. Мы. Страна с насквозь прогнившей верхушкой, но не простые солдаты, вытащившие на своём горбу десять лет кровавых боёв. Перестройка. Гласность. Отрицание всего и вся... и мальчишки, возвращающиеся с кровавой, никому не нужной войны.

Грохотали траками по дорогам танки. Ощупывали наведёнными стволами крупнокалиберных пулемётов склоны гор бэтээры. Пылили грузовики с пехотой и дивизионным имуществом. Проносились стремительные тени вертушек. Армия уходила долго. Целых девять месяцев более ста тысяч человек уходили домой. Армия уходила. Мы оставались.

Все эти девять месяцев группы спецназа и разведгруппы ВДВ работали как проклятые, подчищая дерьмо за армейцами и цорандоевцами. Десять кровавых лет налаживались связи с местными старейшинами и моджахедами, с полевыми командирами и мальчишками беднейших кишлаков. И сейчас надо было рвать эти связи и уничтожить носителей секретной инфор-

мации. Часто вместе с кишлаками, наводя на них артиллерию и авиацию.

Когда там генерал-лейтенант Громов последним вышел из Афганистана? Пятнадцатого февраля во семьдесят девятого? Тогда какого большого и толстого мы в марте того же года только в рейд ушли? И через три недели погибли.

Как ушли в рейд? А мы, в отличие от армии, никуда не уходили. Мы подчищали армейское дерьмо. Перед уходом какая-то тыловая армейская крыса заняла в высокогорном кишлаке приличное количество оружия и боеприпасов в обмен на партию наркоты, вывозимой в Союз. Вот мы складик-то и заминировали, а затем при передаче взорвали.

Ушли, затаились на оставленной для нас точке с боеприпасами и продуктами, отлежались и пошли в рейд. И погибли на точке эвакуации. Все. До единого человека.

Тайные склады оставляли в горах и армейская разведка, и спецура, и местные цорандоевцы, и вообще все кому не лень. Или, наоборот, те, кому было лень уничтожать взятое в рейде оружие и боеприпасы и отписываться перед особистами за каждый захваченный ржавый патрон. Сам таких нычек шесть штук оставил, чтобы не сдавать особистам попавшиеся эксклюзивные стволы и кинжалы.

Крайний рейд был тяжёлый, но интересный. Заминированная тропа, по которой первым прошёл небольшой караван с весьма интересным грузом, шестеро застреленных «духов», ждавших связников на высокогорном плато, склад боеприпасов, продуктов и медикаментов в отдалённом, давно заброшенном кишлаке и долгий путь через перевал на точку встречи.

Очнулся я рядом с Сашкой. Остановившийся взгляд его прожигал меня насквозь. Гранитная пыль покрывала лицо и разгрузку моего друга. Кровь из пробитого горла залила всё вокруг. Ему оставалось служить всего три дня, а он напросился со мной в рейд. Я был категорически против, но он настоял, втихую сбегав к моему командиру майору Громову. Когда не надо, Саня был очень настойчив, а отказаться от классного и опытного радиста Громов просто не смог. Майор давно перетягивал Сашку к нам. На рации мой друг был виртуозом и на слух переводил и дари, и пушту, хотя говорил не очень. Саню перевели к нам.

Некому будет доехать до моей мамы и позаботиться о ней и о моём парализованном деде. Сашка детдомовский, и я уже написал маме, что он приедет и будет жить в моей комнате. Мы здорово похожи. Были похожи. Даже возраст почти одинаков. Сашка успел перед армией окончить радиотехнический техникум и лишь затем попал в Афганистан. Как и я, Саня учился только на отлично и легко поступил бы в любой институт.

Голоса ближе. Треснул одиночный выстрел. Добили кого-то из наших. Мы не нужны живые, мы нужны мёртвые. Для отчёта о хорошо проделанной работе и вознаграждении за каждого убитого шурави. Да я и не собирался жить. В плену у «дúхов» не жизнь, а долгая и мучительная смерть.

«Ближе, суки. Ещё ближе».

Через полуприкрытые веки видна размытая фигура. Ещё одна.

«Руку мою видно? Посмотри, какие часики! Золотые! Сашкин подарок мне на день рождения. Ближе».

Нагнулся? Пора. Нож вошёл в печень рослому моджахеду. Прикрывшись им, достал до второго и полоснул по горлу, сдёргивая с плеча первого автомат.

«Получите и распишитесь».

Патроны кончились неожиданно быстро, но Сашкин автомат рядом. Не нравится? Гранаты мне жалеть уже не надо.

«Опять не нравится? Что же вы такие привередливые-то?»

Взрыв. И темнота.

— Я — Колесников. Старший сержант Колесников. Колесников я. Колесников. Ивановская область, город Фурманов, улица Садовая, дом сорок восемь. Детский дом. Старший сержант разведвзвода. Радист. Александр Колесников. Колесников.

Вода совсем рядом. Бьётся меж камней. Звонко журчит на перекате. Стремительный росчерк горного ручья всего в десятке локтей. Вкусная, ледяная, мокрая. Вода. ВОДА.

— Скажи, кто ты, и будешь пить, купаться и больше никогда не познаешь жажды. Кто ты? Кто ты?

Я не вижу того, кто задаёт вопросы. Они меняются, а глаза открыть больно. Больно говорить, шевелиться, дышать и вообще жить. Есть только одно желание — глоток воды.

— Я — Колесников. Александр Колесников. Пить.

Я бы выпил море, но цепь не пускает. Стальной ошейник рвёт кожу шеи, пальцы скребут по камню, сбитые в кровь ноги давно не чувствуют ничего, кроме боли. Я — Колесников. Колесников я.

— Ну и сдыхай, шакал.

Это да. Скорей бы сдохнуть. Сашке хорошо. Он уже не чувствует боли, жажды, унижений, холода. Ничего. Ему хорошо. Говорят, там вечный покой. Не успел я. Ведь оставалось ещё две гранаты. Не успел.

Плеск близкой воды накрывает меня, и мне опять двенадцать лет. Я бы выпил море.

* * *

Я опять приехал на море. На каникулы. К своему деду на Каспийское море. Ласковые волны, мягкий чёрный песок и ослепительное солнце. Азербайджан. Ленкоранский район, село Вель. Семьдесят четвёртый год.

Море. Я бы выпил это море, если бы знал тогда, что такое пытка нестерпимой жаждой.

Беззаботное детство, рыбалка и мой первый мопед. Я мотался по ближайшим деревням, и меня все знали. Ну как же? Ведь я приехал из самой Москвы. Внук директора русской школы!

Знали бы все они, что в Москве мы с матерью ютимся в мизерной комнатухе в коммуналке на шесть комнат и тринадцать соседей. Большинство местных жителей слова «коммуналка» не знает. Все живут в своих двухэтажных домах. Дом моего деда по сравнению с домами наших соседей — это халупа ничего. Всего четыре комнаты, кухня и веранда.

У меня много друзей и родственников. Я бываю на двух заставах, и там у меня полно друзей и среди людей, и среди собак. К огромному, суровому и злобному Карату на Вельской погранзаставе я захожу каждый день по нескольку раз, и он радуется мне как щенок. Мы подружились три года назад, и с каждым летом наша дружба только крепнет. Карат уже старый, его спишут через две недели, и я заберу его в наш с дедом дом. Вольер уже приготовлен, и Карату будет удобно в тени раскидистого инжира. Из посторонних кормлю на заставе его только я.

Проводник Карата Женька Мелихов только и ждал, когда я приеду на каникулы. В прошлом году я кормил Карата вместе с ним, остальные просто бо-

ялись подходить, а я не боюсь собак. Уже в прошлом году дед договорился с командиром погранзаставы, что этим летом мы заберём Карата к себе.

Осталось только две недели, и Мелихова переведут на окружную заставу в районном центре Ленкорань инструктором-собаководом дослуживать свои последние месяцы перед дембелем, а Карат переедет в свой новый дом. Он заслужил этот дом и спокойную старость долгой службой на границе. Мы будем вместе ходить на море, и никто нам с ним этого не запретит. Карат, так же, как и я, любит Каспийское море.

Странного мужика я увидел у магазина. И сам мужик необычен, и вел себя он необычайно странно. Все в округе знают, что продавщица сельского магазина в селе Вель приходит на работу на пятнадцать минут позже официального открытия магазина, за несколько минут до прихода рейсового автобуса в город. Мужик вроде одет, как местные, а уже с десятков минут топчется у входа. Дурачок. Я отхлебнул из бутылки местного нарзана, набранного на роднике, на совхозном поле, и принялся разглядывать незнакомца.

Что в нём необычного-то? Блин! Точно! Он бледный. Начало июня. Тридцать градусов в тени. Все местные русские и лицом, и руками на коричневый солдатский ремень похожи. Тот же мой дед почти никогда не ходит на море, но лицо и руки от палящего светила не спрячешь. Я выгляжу точно так же, как этот незнакомец, когда на каникулы приезжаю. Ровно один день, а затем покрываюсь сначала розовым румянцем, а потом и волдырями ожогов. Обгораю очень быстро. Тридцать градусов в тени, а на солнцепёке и до сорока добирается.

Попасть к нам из города можно только на рейсовом автобусе, который идёт из Ленкорани в Астару.

Этот автобус выходит из Ленкорани и, делая огромный круг, идёт сначала вдоль предгорья Талышских гор, потом вдоль границы до Астары, а затем и по берегу Каспия. В центре нашего села автобус поворачивает налево и идёт обратно в Ленкорань. От села Вель до Ленкорани — тридцать два километра. Встречный автобус из Ленкорани придёт только через сорок минут, но он, наоборот, будет двигаться сначала к границе.

Рано утром в Ленкорани останавливается поезд из Баку, через полтора часа он же остановится в Астаре, и это конечная точка маршрута. Уйдёт в Баку он только вечером. Но если этот мужик только приехал, то зачем он едет от границы в райцентр? Когда и к кому он приехал вчера, если уезжает сегодня утром? Как он умудрился за сутки не обгореть на солнце? Я здесь всех русских знаю, и ни к кому родственники не приезжали. Вчера я всех своих местных друзей видел. Никто из них не похвалился гостями.

Приехать с кем-то он тоже не мог. Виталька Сочинский приедет только через две недели. Он в техникуме в Ростове-на-Дону учится и приезжает к своему деду со всей семьёй. У них прямо во дворе растёт целая рощица бамбука. Из него получают отличные удочки.

Мой приятель Мишка приезжает к бабушке из Баку только в начале июля. Она у самого моря живёт, сразу за железной дорогой и совсем недалеко от погранзаставы. Больше никого не должно быть.

Местные азербайджанцы и талыши не в счёт. Русских у них не бывает. Погранзона — въезд только по пропускам. Меня самого проверяют каждый год. Свидетельство о рождении у меня выдано в местном сельсовете, хотя родился я в Тверской области, где мама училась. Сразу после моего рождения мама тайком за-